

Павлов Михаил Юрьевич

**А. А. КУЗНЕЦОВ И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ "ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА"**

В данном исследовании рассматривается послевоенная политическая биография одного из главных фигурантов "ленинградского дела" Алексея Александровича Кузнецова. Основное внимание в статье уделено периоду, когда на секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова было возложено наблюдение за органами государственной безопасности. Проявленная бывшим руководителем Ленинграда активность в вопросах, напрямую касавшихся карательной системы страны, наряду с целым комплексом других причин, и привели к возникновению самого закрытого и загадочного политического процесса эпохи позднего сталинизма.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/36.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/36.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 127-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 94(47).084.8

**Исторические науки и археология**

*В данном исследовании рассматривается послевоенная политическая биография одного из главных фигурантов «ленинградского дела» Алексея Александровича Кузнецова. Основное внимание в статье уделено периоду, когда на секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова было возложено наблюдение за органами государственной безопасности. Проявленная бывшим руководителем Ленинграда активность в вопросах, напрямую касающихся карательной системы страны, наряду с целым комплексом других причин, и привели к возникновению самого закрытого и загадочного политического процесса эпохи позднего сталинизма.*

*Ключевые слова и фразы:* «ленинградское дело»; А. А. Кузнецов; И. В. Сталин; период позднего сталинизма; секретарь ЦК ВКП(б); органы государственной безопасности; репрессии.

**Павлов Михаил Юрьевич**, к.и.н.

*Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире  
kinpavlov@mail.ru*

**А. А. КУЗНЕЦОВ И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:  
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»<sup>©</sup>**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01227  
«Политическая деятельность секретаря ЦК А. А. Кузнецова и уничтожение ленинградской  
“антипартийной группы” (на материалах ЦА ФСБ России)», руководитель М. Ю. Павлов.*

«Ленинградское дело», фигурантами которого, по разным оценкам, стали до двух тысяч человек, явилось самой крупной репрессивной кампанией среди высшего руководства страны периода позднего сталинизма (1945-1953 гг.). Оно привело к уничтожению целой плеяды молодых и перспективных руководителей, чей политический путь в большинстве случаев был связан с городом на Неве. Алексей Александрович Кузнецов, Николай Александрович Вознесенский, Петр Сергеевич Попков, Яков Федорович Капустин и десятки других репрессированных «ленинградцев» в силу своего возраста не имели революционных заслуг перед партией. Однако отличавшие их управленческий талант, самоотдача, преданность делу, а в отдельных случаях и неформальный подход позволили этому поколению большевиков проявить себя в годы военного лихолетья. Как результат – инициированный И. В. Сталиным стремительный прорыв «ленинградской группы» на политический олимп.

Несмотря на внушительное число работ, посвященных высшей власти послевоенной поры, «ленинградское дело» продолжает оставаться одним из самых загадочных и малоизученных процессов сталинской эпохи. Лишь недавно стали появляться исследования, посвященные политическим биографиям основных фигурантов этого «дела» [1; 3; 9], изучение которых, по нашему мнению, и должно стать основополагающей базой для анализа сложных процессов, приведших к трагической развязке осени 1950 г.

До сего дня ключевой проблемой при рассмотрении «ленинградского дела» оставался вопрос об истинных причинах репрессий в отношении руководителей, которых Сталин неоднократно после войны называл своими вероятными преемниками. Среди комплекса причин отечественные и зарубежные историки, как правило, выделяют следующие:

– отсутствие легитимных механизмов передачи власти и, как следствие, усиление борьбы за нее различных группировок при стареющем вожде;

– субъективный фактор, выразившийся в патологической антипатии Сталина к «заговорщическому» Ленинграду, в котором его позиции были традиционно слабы (в этом подходе внимание акцентируется на амбициозности «второй столицы») [2, с. 27]. Сюда же могут быть отнесены и подозрения, возникшие у вождя в отношении секретаря ЦК А. А. Кузнецова «относительно якобы имевших попыток Кузнецова усилить свое влияние в партийном аппарате при помощи назначения на руководящие посты в региональных партийных структурах преданных ему выходцев из рядов Ленинградской парторганизации» [4, с. 121];

– идеологические расхождения А. А. Жданова и представителей его «команды» с политическим курсом Сталина, выразившиеся в пропаганде «ленинградцами» частичного смещения приоритетов в области идеологии и экономики. Например, в обвинительном заключении от 26 сентября 1950 г. утверждалось: «В нарушение установок партии и правительства и в обход государственного плана, в ленинградской промышленности обвиняемыми Кузнецовым, Попковым и их сообщниками осуществлялась линия на предпочтительное развитие производства предметов широкого потребления» [20, д. 3017, л. 32]. Непосредственно идеологические расхождения стали очевидны во время работы комиссии под руководством Жданова над проектом новой программы ВКП(б).

Кроме того, можно обозначить целый ряд косвенных мотивов, позволивших Маленкову и Берии не только одержать победу в борьбе за влияние на вождя, но и убедить его в необходимости физического устранения их вчерашних конкурентов.

В данном же исследовании среди возможных причин, способствовавших возникновению «ленинградского дела», мы рассмотрим вопросы, напрямую касающиеся карательной системы страны, наблюдение за которой осенью 1947 г. Сталин неожиданно для своего окружения доверил «новичку» Кузнецову.

В мае 1946 г. с должности министра госбезопасности был снят возглавлявший это ведомство с 1943 г. ставленник Л. П. Берии В. Н. Меркулов. По инициативе Сталина новым руководителем Министерства государственной безопасности (МГБ) назначают бывшего начальника управления контрразведки «Смерш» В. С. Абакумова, отношения которого с некогда всемогущим наркомом Берией являлись достаточно напряженными. Вскоре не оправдавший возложенных на него ЦК партии задач Меркулов и его заместитель Б. З. Кобулов переводятся на работу за пределы Советского Союза.

Целенаправленно ослабляя тылы Берии в МГБ, Сталин начал подыскивать ему замену как куратору силового блока, который тот контролировал, будучи заместителем председателя правительства. Эта задача решалась вождем поэтапно. В феврале 1947 г. контроль над МГБ был передан под юрисдикцию Политбюро. А 17 сентября 1947 г. наблюдение за работой МГБ СССР возлагается на секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова [14, д. 1066, л. 47]. Так, практически в одночасье, с марта 1946 по сентябрь 1947 г., две самые могущественные силы сталинской системы – партия и органы госбезопасности – были доверены едва перешагнувшему сорокалетний рубеж А. А. Кузнецову. Тот фронт работы, который раньше распределялся вождем между Г. М. Маленковым и Л. П. Берией, теперь, по сути, оказался сосредоточен в руках бывшего первого секретаря ленинградского обкома и горкома партии. Наряду с возглавлявшим «ленинградскую группу» Андреем Александровичем Ждановым Алексей Кузнецов становится ключевой фигурой «команды», которую Сталин решил противопоставить значительно усилившемуся за годы войны тандему Маленков – Берия.

Акцентируя внимание на излюбленной сталинской тактике сдержек и противовесов, также необходимо отметить еще одну особенность произошедших изменений. Делегируя секретарю ЦК ВКП(б) часть полномочий в «святой святых» своего режима, Сталин не только стремился добиться ослабления позиций Лаврентия Берии, но и рассчитывал вернуть чекистский аппарат под полный контроль партии. В этом Кузнецов открыто признался 4 ноября 1947 г. во время выступления на конференции доверенных по выборам «суда чести» МГБ. По его словам, главным условием для улучшения работы органов государственной безопасности «является то, чтобы чекистский аппарат был по существу партийным аппаратом. Такое указание дал товарищ Сталин. Я об этом сообщил тов. Абакумову» [15, д. 572, л. 219]. Менее чем за год после своего назначения Кузнецов проведет несколько совещаний с министрами и их заместителями по кадрам республиканских, краевых, областных, крупных городов и районов Москвы органов госбезопасности. В докладе на одном из таких заседаний «А. А. Кузнецов четко проводил мысль: там, где в конце 30-х гг. первые секретари ЦК компартий крайкомов и обкомов ВКП(б) оказались недостаточно политически зрелыми и волевыми людьми, органы НКВД вышли из-под контроля партии и не руководились партией, а наоборот» [9, с. 164].

В случае с Абакумовым и Кузнецовым выбор Сталина, который крайне ревностно относился к своему монопольному праву контроля над карательным механизмом, а также панически боялся заговора соратников, пал на людей, мало связанных с другими членами «узкого руководства». Многолетняя совместная работа Кузнецова и Жданова по Ленинграду в расчет не бралась, так как предпочитавший быть тенью вождя Андрей Александрович не представлял для него абсолютно никакой опасности.

Мнение ученых на предмет широты предоставленных Кузнецову полномочий расходятся. Так, Г. В. Костырченко утверждает, что 17 сентября 1947 г., когда на секретаря ЦК Кузнецова было возложено наблюдение за работой МГБ СССР, его также ввели в оперативную комиссию политбюро по рассмотрению важнейших государственных вопросов, так называемую «девятку» [7, с. 303]. Г. В. Костырченко вторит Ю. Н. Жуков, считающий, что осенью 1947 г. Сталин доверил Кузнецову «само существование “девятки”», не забыв также ввести его в состав этого высшего круга власти [6, с. 388]. Несколько иной точки зрения придерживается О. В. Хлевнюк, полагающий, что Кузнецов как куратор МГБ занимался только рутинной работой, решая мелкие повседневные вопросы. А Сталин согласовывал с Абакумовым все принципиальные вопросы напрямую [18, с. 77]. В любом случае, сам факт того, что Сталин передал переведенному всего полтора года назад из Ленинграда на центральную работу в Москву Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, свидетельствует о его полном к нему расположении и выдает некие планы вождя.

Кураторство над компетентными органами секретаря ЦК Кузнецова также могло сыграть роковую роль в судьбе будущей ленинградской «антипартийной группы». Например, имея доступ к материалам судебных процессов 1930-х гг., бывший руководитель Ленинграда вполне мог узнать много «лишней» для себя информации. Станислав Рыбас в связи с этим пишет: «Какое-то значение в этой истории имели архивные материалы госбезопасности, которые Кузнецов как куратор МГБ стал внимательно изучать, что должно было вызвать обеспокоенность Маленкова, Берии, Молотова, Микояна<sup>1</sup>, Кагановича, Ворошилова, причастных к чисткам 1930-х годов» [16, с. 137]. В подобной ситуации не меньшая обеспокоенность должна была возникнуть и у главного инициатора всех репрессивных волн, в руках которого находились судьбы людей, в том числе и из ближайшего окружения.

О том, что Кузнецов действительно проявлял интерес к политическим процессам второй половины 1930-х гг., свидетельствуют протоколы его допросов. Так, 10 сентября 1949 г. теперь уже бывший секретарь ЦК ВКП(б) признал, что в 1936 г. у него были кое-какие сомнения в правильности линии ЦК «по отдельным вопросам». Например, «в 1936 году, во время обмена партийных документов, я был не согласен с тем, что из партии исключались лица, примыкавшие ранее к оппозиции. Мне казалось, что ЦК ВКП(б) впадает в крайность, изгоняя из партии таких людей.

<sup>1</sup> Подробнее о борьбе А. И. Микояна с оппозицией и его участии в репрессиях 1930-х гг. см.: [11; 12].

<...>. Мои сомнения в правильности линии партии еще более усилились в 1937-1938 годах, в период разгрома троцкистско-бухаринского подполья. Действия ЦК я находил тогда слишком жесткими, полагая, что после ареста головки антисоветского заговора следовало бы прекратить дальнейшие репрессии» [19, д. 3017, л. 4-5]. Однако находящийся под арестом менее месяца и еще не сломленный Кузнецов отказался расценивать свою позицию второй половины 30-х годов как вражескую, свидетельствующую о его преступлениях против партии.

Интересную и многое объясняющую трактовку внимания А. А. Кузнецова к репрессиям 1930-х гг. мы находим в воспоминаниях его сына – Валерия Алексеевича Кузнецова: «Приступив к работе секретаря ЦК ВКП(б), отец почему-то стал изучать судебные дела 1937-1938 годов. Более того, он стал вникать в документы, связанные с расследованием убийства Кирова. Тома секретных документов на нашу дачу в Заречье привозил лично Абакумов. Пока отец заперся в рабочем кабинете и читал бумаги, министр не уезжал в Москву, он гулял по саду, в любую минуту готовый получить документы обратно» [8, с. 99]. Наверняка описываемая В. А. Кузнецовым картина происходила не ранее сентября 1947 г. Делаться это могло исключительно с санкции Сталина, ибо самостоятельность в таком щепетильном вопросе стала бы поводом к устранению как самого Кузнецова, так и министра МГБ Абакумова. И они оба не могли этого не понимать.

В. А. Кузнецов предполагает, что, частично передавая под контроль отца карательный механизм государства и выводя его на изучение процессов 1930-х годов, Сталин мог осуществлять какой-то известный только ему план, невыполнение которого в итоге и стало одним из тех «загадочных обстоятельств», которые легли в основу всего «ленинградского дела»: «Сталин не любопытства ради предоставил возможность секретарю ЦК Кузнецову досконально исследовать процессы 30-х годов. Не исключаю, что вождь ждал от отца выводов, которые позволили бы раскрутить вновь спираль террора, свернутую в условиях подготовки ко Второй мировой войне» [Там же, с. 100].

На желание «хозяина» спровоцировать новую волну массовых репрессий указывает количество состоявшихся, а также находившихся в стадии разработки на момент его смерти политических «дел»: «ленинградское дело», «дела» Еврейского антифашистского комитета и «врачей-вредителей», чистки в министерстве госбезопасности, «мингрельское дело». Наконец, совершенно непредсказуемый арест 15 декабря 1951 года начальника личной охраны Сталина Н. С. Власика, а также отстранение и арест в феврале 1952 г. секретаря вождя А. Н. Поскребышева. Еще одним тревожным звонком, свидетельствующим о приближении новой волны «чисток», стала публикация информации о разоблачении и аресте «группы врачей-вредителей». Впервые после 1938 г. с целью подготовки общественного мнения «дело кремлевских врачей» сделали достоянием гласности.

Кульминацией этой политики должен был стать крупный процесс в Москве, главными фигурантами которого явились бы члены Политбюро, не одно десятилетие бок о бок проработавшие с вождем: Молотов, Микоян и, по всей видимости, Ворошилов. По данным доктора исторических наук В. П. Наумова, вопрос об аресте Молотова и Микояна был решен, так как их фамилии фигурировали в оперативных документах МГБ уже со второй половины 1952 г. [5, с. 260]. Показательно, что за два с лишним месяца до смерти Сталин перестал приглашать обоих на традиционные для узкого круга ночные застолья и неоднократно публично заявлял об их серьезных ошибках и даже сотрудничестве с иностранными разведками. А. А. Данилов и А. В. Пыжиков на основе изученной в архиве Президента коллекции документов утверждают, что лишь скоростная смерть вождя остановила новую волну «чисток». Более того, историки приходят к выводу, что «радикальные кадровые решения могли последовать уже в первые дни марта» [Там же, с. 261].

Вполне вероятно, что, назначая Кузнецова куратором МГБ, а также выводя его на изучение открытых процессов 1930-х гг., Сталин рассчитывал найти в его лице верного сторонника и, главное, проводника жесткого политического курса. Однако к чести своей, Алексей Александрович сумел избежать «славы» Ягоды, Ежова, Берии, а также Кагановича, Маленкова и некоторых других членов Политбюро, особо отличившихся на ниве довоенного террора. Подобного рода нерешительность, наряду с другими «прегрешениями» не оправдавшего надежд вождя секретаря ЦК Кузнецова, сделали его одним из недругов Сталина, лично державшего на контроле весь ход следствия. Большинство исследователей, изучавших период позднего сталинизма, отмечают повышенное внимание и личную неприязнь генсека к еще недавно находившемуся в фаворе Алексею Кузнецову.

В отличие от Кузнецова, как Маленков, так и Берия были способны начать новую волну массового политического террора по первому сигналу «инстанции». В том числе и поэтому к 1949 г. Сталин решил вернуться к проверенному и доказавшему свою «эффективность» в 1930-е годы тандему Маленков – Берия. Они оба прекрасно подходили на роль идеальных исполнителей любой воли Сталина, особенно это касалось Георгия Маленкова, который в очередной раз покажет свои исключительные организаторские способности во время «ленинградского дела».

Западный историк Майкл Пэрриш приводит еще один вероятный косвенный мотив усилившейся неприязни Сталина к Кузнецову. Он предполагает, что Кузнецов, стремясь снискать расположение вождя, опрометчиво высказался в его присутствии о необходимости раскрытия тайн, связанных с убийством С. М. Кирова. Однако подобное заявление, потенциально опасное для самого «хозяина», возымело обратный эффект для Кузнецова [2, с. 29]. Частичное подтверждение подобной версии находим в статье В. А. Кузнецова, современника тех событий: «Усугубила судьбу отца, возможно, и его приверженность памяти Кирова, взявшего его на партийную работу в Ленинград с Новгородщины. Отец не только интересовался “делом” гибели Кирова, но и не забывал его полупарализованную вдову. Беря меня с собой, он часто навещал ее, невменяемую, а возможно, и доведенную до потери рассудка» [8, с. 100].

О бережном отношении секретаря ЦК Кузнецова к памяти погибшего главы ленинградской партийной организации свидетельствуют и архивные документы. Так, 31 августа 1948 г. на имя Кузнецова приходит записка от секретаря Кировского обкома ВКП(б) И. Т. Быкова, в которой тот излагает просьбу сестры Кирова Е. М. Костриковой об оказании ей содействия в демобилизации сына, служащего в рядах Советской Армии в г. Батуми. Свою просьбу Кострикова мотивировала плохим состоянием здоровья и необходимостью помощи со стороны близкого человека. Вернувшись из Валдая, куда Кузнецов был отправлен 31 августа в связи со скоропостижной смертью А. А. Жданова, он обращается к заместителю министра Вооруженных Сил СССР маршалу А. М. Василевскому с просьбой рассмотреть обращение секретаря Кировского обкома. 10 ноября 1948 г. последовал отчет о проделанной работе. Генерал-полковник В. Виноградов писал Кузнецову: «Лейтенант ветеринарной службы тов. Верхотин Константин Васильевич изъявил желание о демобилизации из рядов Советской Армии.

В связи с этим Начальник тыла ВС приказом от 30 октября сего года уволил т. Верхотина из кадров Вооруженных сил в запас» [15, д. 635, л. 103-104]. Самое интересное, что перешедший к этому времени в открытую атаку на «ленинградцев» Маленков стремился использовать для дискредитации оппонентов любой удобный случай. Уже 11 ноября последовала записка Маленкова на имя М. Ф. Шкирятова, Б. Н. Черноусова и Л. Ф. Ильичева: «Прошу разобраться в этом деле и сообщить предложения» [Там же, л. 105].

Еще одним подтверждением своего рода опеки над близкими родственниками Кирова со стороны Кузнецова служит его обращение 1947 г. к самому Сталину. Вот его текст: «В Лебяжском районе Кировской области проживают сестры Сергея Мироновича Кирова – Кострикова Анна Мироновна – 63 года и Кострикова Елизавета Мироновна – 56 лет.

Обе сестры Сергея Мироновича Кирова по состоянию здоровья в настоящее время не работают и получают пенсию местного значения по 210 рублей в месяц.

За многолетнюю работу в области народного образования Анна Мироновна награждена правительственным орденом Ленина в 1939 г., а в 1943 г. ей присвоено звание Заслуженного учителя республики. Елизавета Мироновна награждена орденом Трудового Красного Знамени, “Знак Почета” и др.

Секретариат ЦК считал бы необходимым установить Костриковой Анне Мироновне и Елизавете Мироновне персональные пенсии союзного значения по 1.000 рублей каждой» [Там же, д. 639, л. 227]. Данное предложение секретаря ЦК ВКП(б) было реализовано на практике, и сестры С. М. Кирова стали счастливыми обладательницами солидных пенсий союзного значения.

Таким образом, открытая заинтересованность Кузнецова в раскрытии истинных причин гибели Кирова, неоднократные посещения его жены и всесторонняя помощь сестрам, а также интерес к материалам политических процессов 1930-х гг. вполне могли вызвать раздражение вождя, не очень-то поощрявшего подобного рода самостоятельность. Поэтому предположение ученого М. Пэрриша и сына А. А. Кузнецова о том, что проявленная отцом активность в вопросах, прямо или косвенно связанных с С. М. Кировым, только усугубила его положение, выглядит вполне логичным. Это очередное подтверждение одного из главных «преступлений» Кузнецова против выстроенной годами сталинской системы – его излишней самостоятельности в принятии решений.

Но, пожалуй, наиболее ярким аргументом в пользу этой версии стал проведенный Абакумовым и Кузнецовым без предварительных согласований с «инстанцией» «суд чести» в Министерстве государственной безопасности.

В марте 1947 г. Жданов предоставил Сталину на утверждение проект постановления ЦК «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Через семь месяцев после этого, по аналогии с другими министерствами, состоялись выборы членов «суда чести» МГБ. А уже в марте 1948 г. демонстрирующий бдительность Абакумов, предварительно заручившись поддержкой Кузнецова, решится провести «суд чести» над работниками своего ведомства.

Казалось бы, не произошло ничего неординарного. В рамках развернутой по всей стране общей кампании руководящий кадровой работой партии Кузнецов, к тому же официально курирующий госбезопасность, реагирует на инициативу подведомственного ему министра. Однако оберегавший свою власть от малейших угроз Сталин, судя по всему, расценил подобную самостоятельность молодого выдвиженца как открытый вызов выстраиваемой годами системе. Сразу же последовал одергивающий окрик. Уже 15 марта 1948 г. Политбюро запрещает министрам проводить «суды чести» над своими работниками без санкции Политбюро. В отношении же провинившихся постановление гласило: «Считать неправильным, что т. Абакумов организовал суд чести над двумя работниками министерства без ведома и согласия Политбюро, что и поставить т. Абакумову на вид. Указать секретарю ЦК т. Кузнецову, что он поступил неправильно, дав т. Абакумову **единолично** (выделено автором – М. П.) согласие на организацию суда чести над двумя работниками. Решение суда чести Министерства государственной безопасности в отношении тт. Бородина и Надежкина приостановить до разбора дела Секретариатом ЦК» [14, д. 2199, л. 28].

Система предельно централизованной власти, когда даже незначительные вопросы подлежали обязательному одобрению вождя, не подразумевала самостоятельных решений в ведомстве, которое Сталин подвергал тотальному контролю. Вот как описывает отношение «хозяина» к карательному механизму российский ученый О. В. Хлевнюк: «Как и в 1930-е годы важнейшим рычагом власти Сталина оставались органы госбезопасности. ... Сталин назначал министрами госбезопасности полностью зависимых от него функционеров, таких, как В. С. Абакумов и С. Д. Игнатьев. Когда какой-нибудь член ближнего круга входил в слишком близкий контакт с органами госбезопасности, Сталин принимал решительные меры. В 1946 году со скандалом

был снят с поста министра госбезопасности ставленник Берии В. Н. Меркулов. Соответственно, под ударом оказался и сам Берия. Наиболее важные материалы из МГБ поступали исключительно к Сталину. К ним не имели доступа остальные руководители. Монопольное распоряжение органами госбезопасности обеспечивало контроль Сталину над правящей группой. Соратники Сталина никогда не сомневались в том, что их политическая судьба и физическое существование зависело от воли хозяина» [18, с. 11]. Именно совместные действия Абакумова и Кузнецова, то есть тот самый «слишком плотный контакт» секретаря ЦК партии с главой органов госбезопасности, могли вызвать у вождя очередной приступ подозрительности. Не случайно после расправы над «ленинградцами», при анализе агентурных данных против Абакумова, выяснится, что министр Абакумов «дружил с Кузнецовым, они общались в неслужебной обстановке, устраивали семейные вечеринки и т.п.» [17, с. 52]. Велика вероятность того, что с началом «ленинградского дела», когда Абакумов и его подчиненные с заслуживающей лучшего применения остревенелостью выбивали из заключенных свидетельства об их «преступной» деятельности, участь самого Абакумова была уже предрешена. Оставалось только выбрать подходящий момент для атаки.

На протяжении десятилетий одной из главных сталинских фобий оставалась сохранявшаяся возможность заговора его соратников. При появлении малейших подозрений вождь, не раздумывая, действовал превентивно, стремясь на корню подавить самую возможность появления блоков или коалиций в своем окружении. Не исключено, что после произошедшего инцидента с «судом чести» в министерстве государственной безопасности Сталин мог пересмотреть свое отношение к проявлявшему, как ему казалось, чрезмерную активность Кузнецову. В этой связи абсолютно прав Р. Г. Пихоя, считающий, что должность А. А. Кузнецова, который осуществлял партийный контроль не только над административными органами, но и министерствами внутренних дел, государственной безопасности, армией, «была влиятельной и опасной как для “курируемых” им руководителей учреждений, так и для него самого» [13, с. 47].

Всеми силами оберегавший свою безграничную власть Сталин вполне мог расценить вышеописанные инициативы Кузнецова в МГБ как угрозу и частичную потерю своего диктата. Усиливали данные фобии генсека и слухи, активно муссировавшиеся в его ближайшем окружении, о «бонапартистских» замашках секретаря ЦК, якобы расставлявшего на руководящие посты в региональных партийных структурах преданных ему «ленинградцев». Исходя из логики Сталина, получалось, что бывший глава ленинградской партийной организации, чей переход на центральную работу в Москву и стремительный карьерный рост были инициированы самим «хозяином» [10, с. 165], использует партию и органы государственной безопасности как средство для усиления собственного влияния. В данном контексте совсем не вызывает удивления тот факт, что во время правки обвинительного заключения во главе ленинградской «антипартийной группы» Сталин собственноручно поставил не оправдавшего его надежд Кузнецова.

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, за возникновением «ленинградского дела» стоял целый комплекс причин, и оно, как практически все сталинские репрессивные кампании, носило многофакторный характер. Однако просчеты неуклюжего в большой политике А. А. Кузнецова, не только не отреагировавшего на сталинский зондаж в отношении новой волны «чисток», но и к тому же проявившего излишнюю самостоятельность в МГБ, сыграли далеко не последнюю роль в ликвидации целого поколения ленинградских руководителей.

#### *Список литературы*

1. **Амосова А. А.** Второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) Я. Ф. Капустин и трагедия его семьи (по материалам «Ленинградского дела») // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 2. Вып. 4. С. 35-46.
2. **Амосова А. А.** Основные тенденции и подходы к изучению «ленинградского дела» в англоязычной историографии // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 2. Вып. 4. С. 26-33.
3. **Амосова А. А.** Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937-1950. СПб.: Алетейя, 2014. 262 с.
4. **Болдовский К. А.** К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946-1948 гг. // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 3. С. 121-126.
5. **Данилов А. А., Пыжиков А. В.** Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. 304 с.
6. **Жуков Ю. Н.** Сталин: тайны власти. М.: ВАГРИУС, 2005. 720 с.
7. **Костырченко Г. В.** Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Изд-е 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2003. 784.
8. **Кузнецов В. А.** Загадка «ленинградского дела» // VIP-Premier: международный журнал о лидерах и для лидеров. 2009. № 5. С. 96-104.
9. **Кутузов В. А.** Алексей Александрович Кузнецов. Страницы послевоенной политической биографии // Клио: журнал для ученых. 2001. № 3 (15). С. 162-168.
10. **Кутузов В. А.** Загадочная смерть А. А. Жданова // Новейшая история России (Modern History of Russia). 2013. № 1. С. 164-177.
11. **Павлов М. Ю.** А. И. Микоян и формирование сталинской фракции в Политбюро // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Ч. 2. С. 153-159.
12. **Павлов М. Ю.** Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М.: Международные отношения, 2010. 416 с.
13. **Пихоя Р. Г.** Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.
14. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 3.

15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121.

16. Рыбас С. Ю. Московские против питерских: ленинградское дело Сталина. М.: Алгоритм, 2013. 256 с.

17. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 401 с.

18. Хлевнюк О. В., Горлицкий И. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.

19. Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. Р-241. Д. 3017. Т. 3. Протокол допроса А. А. Кузнецова от 10 сентября 1949 года.

20. ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-241. Д. 3017. Т. 15. Обвинительное заключение от 26 сентября 1950 года.

**A. A. KUZNETSOV AND STATE SECURITY BODIES:  
ON THE ISSUE OF REASONS OF APPEARANCE OF “LENINGRAD CASE”**

**Pavlov Mikhail Yur'evich**, Ph. D. in History  
Kuban State University (Branch) in Armavir  
kinpavlov@mail.ru

The article deals with the post-war political biography of one of the main people involved in “Leningrad case” Alexey Alexandrovich Kuznetsov. The author focuses on the period, when the secretary of the Central Committee of the CPSU Kuznetsov was assigned to supervise state security bodies. The activity shown by the head of Leningrad in the matters related directly to the punitive system of the country along with a whole set of other reasons led to the appearance of the most private and mysterious political process of late Stalinism.

*Key words and phrases:* “Leningrad case”; A. A. Kuznetsov; I. V. Stalin; late Stalinism; Secretary of the Central Committee of the CPSU; state security bodies; repressions.

УДК 94(420).06

**Исторические науки и археология**

*Статья посвящена предпосылкам и начальному этапу формирования Совета марки Уэльса – одного из специфических административно-судебных институтов средневековой Англии. Консилиарный характер данного института обеспечивал эффективность интеграции территориально-правовых автономий англо-валлийского пограничья в систему управления английской монархии позднего Средневековья. Целью создания Совета было утверждение авторитета короля как суверена, а декорпорация регальных владений представляла собой «собираение» или возвращение сеньориальных прав и юрисдикции, делегированных короной своим вассалам столетиями ранее.*

*Ключевые слова и фразы:* Совет марки Уэльса; Эдуард IV; консилиарные институты; регальные владения; композитарная монархия; Англия; Уэльс.

**Паламарчук Анастасия Андреевна**, к.и.н.

Санкт-Петербургский государственный университет  
sir.henry.finch@gmail.com

**СОВЕТ МАРКИ УЭЛЬСА И ПРАВОВОЙ ПОЛИМОРФИЗМ  
СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ МОНАРХИИ<sup>©</sup>**

Совет Уэльса, истоки юрисдикции которого уходят во времена Нормандской династии, можно рассматривать как один из эффективно использовавшихся английской монархией административно-правовых инструментов. В отличие от центральных консилиарных институтов – Палаты прошений, Звездной палаты и Высокой комиссии – совет Уэльса был ориентирован на конкретный и специфический композит, который, несмотря на длительную историю взаимодействия с английской короной, сохранил собственную этническую, языковую и культурную специфику. В истории Совета марки Уэльса вплоть до воцарения династии Тюдоров можно отчетливо видеть, как частно-правовые элементы регулирования отношений между монархом и его подданными, сформировавшиеся в период классического Средневековья не только были сохранены, но были зафиксированы, структурированы и адаптированы к менявшимся условиям. Сохранение органов консилиарного управления отвечало интересам строительства композитарной британской монархии и в этом отношении представляло бесспорный приоритет. Длительный процесс покорения Уэльса и поиск адекватных форм управления неизменно ставил перед английской короной вопрос о возможности, а главное – эффективности насаждения английского общего права на неанглийских территориях.

Как до, так и после вторжения нормандцев на территории Уэльса сохранялась собственная система обычного права – так называемые законы Гивела, по легенде приписывавшиеся королю Гивелу ап Каделлу, или Гивелу Дда, то есть Доброму (ум. 949 или 950 г.) Сохранилось около 40 рукописей законов Гивела,